

поскольку для этого необходима серьезная организационная и материально-техническая поддержка. Видимо, Москва еще не скоро обзаведется своим музейным центром, отражающим многообразие культур России и зарубежных стран.

© 2001 г., ЭО, № 2

А.Б. Ипполитова

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ НАРОДОВ СССР В МОСКВЕ

*Но все дело в том, что, как ни странно,
как ни невероятно покажется на первый взгляд,
в Москве нет русского этнографического музея.
Ни общесоюзного этнографического музея,
ни какого бы то ни было этнографического музея вообще!*

Владимир Солоухин

Эти слова, написанные Владимиром Солоухиным почти 30 лет назад, актуальны до сих пор. Действительно, сегодня столица многонациональной России не имеет своего этнографического музея. Приходится признать, что традиция музейной этнографии, существовавшая в Москве со второй половины XIX в., в наши дни предана забвению. Сегодня лишь в близких к этнографии кругах помнят о существовании последнего московского этнографического музея – Центрального музея народоведения (ЦМН)¹. Поэтому одна из главных задач предлагаемой читателю статьи состоит в возрождении памяти о музее, созданном три четверти века назад усилиями московских ученых, и о людях, посвятивших ему свою жизнь.

Идея создания в Москве крупного музея этнографии была высказана еще в 1863 г. профессором Московского университета, основателем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) А.П. Богдановым (1834–1896). С целью сбора экспонатов для будущего музея ОЛЕАЭ организовало несколько выставок, в том числе и Всероссийскую этнографическую выставку 1867 г., но по ряду причин создать на их основе единый музей не удалось². Коллекции этой выставки вошли в состав Румянцевского музея (переехавшего в 1861 г. из С.-Петербурга в Москву), образовав в нем вместе со старыми румянцевскими собраниями Дашковский этнографический музей (иначе – Этнографический отдел Румянцевского музея). Последний, обладая богатейшими коллекциями, из-за тесноты помещения не имел возможности ни хранить, ни выставлять их должным образом³. Сотрудники Дашковского музея, особенно заведующий отделением иностранной этнографии Владимир Владимирович Богданов (1868–1949), уже в начале 1910-х годов выступали за выделение его в самостоятельный музей⁴. С 1910–1911 гг. В.В. Богданов приступил к разработке проекта крупного этнографического музея⁵.

Однако благоприятные условия для создания в Москве такого музея сложились только к началу 1920-х годов, когда, с одной стороны, в рамках музейной реформы началась реорганизация Румянцевского музея, а с другой – власть проявила свою заинтересованность в создании музея этнографии⁶. В это время в России стали во множестве появляться концепции новых и совершенствоваться концепции уже существующих этнографических музеев. В Петрограде Б.Г. Крыжановский осмыслил опыт этнографического отдела Русского музея, С.И. Руденко наметил пути создания

будущего Музея истории человечества⁷. В Москве оживленно проходила дискуссия о создании нового этнографического музея. В ней участвовали такие известные ученые, как Б.Ф. Адлер, Д.Н. Анучин, В.В. Богданов. Д.Н. Анучин предложил организовать в Москве Музей народного быта и искусства⁸. Осенью 1919 г. Б.Ф. Адлер прочел в Коллегии отдела по делам музеев доклад об организации Всероссийского этнографического музея в Москве⁹. После этого была создана Этнографическая комиссия при Главмузее (позже – Комиссия по организации Центрального этнографического музея), председателем которой стал Адлер¹⁰. 13 мая 1921 г. Комиссия приняла юридическое решение о создании Центрального этнографического музея под началом Д.Т. Яновича, но этот музей создан не был¹¹.

В ходе дальнейших дискуссий был принят проект В.В. Богданова («Проект организации Российского Этнографического музея в Москве»), доложенный на этнографической конференции по организации Этнографического музея (июль 1921 г.)¹². Прослушав доклад, участники конференции (Л.Я. Штернберг, Д.Н. Анучин, В.И. Иохельсон, М.Н. Сперанский, А.Н. Максимов, Б.М. Соколов, П.П. Ефименко, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин и Н.Г. Машковцев) заключили, что создание Этнографического музея в Москве необходимо и организован он должен быть на основе коллекций Румянцевского музея¹³. Именно этот проект лег впоследствии в основу концепции Центрального музея народоведения, также предложенной В.В. Богдановым. Основные ее положения были изложены в двух документах: «Положение о Центральном музее народоведения» (год создания неизвестен) и докладной записке «Музей народоведения в Москве» (ноябрь 1923)¹⁴.

В.В. Богданов представлял себе будущий музей прежде всего как научный, состоящий из двух частей: научно-систематической (Этногалерея) и научно-популярной (музей под открытым небом, или Этнопарк). Полагая, что этнография не может замыкаться в границах одного государства, В.В. Богданов считал, что музей должен будет включить в себя материалы не только по народам России, но и по народам зарубежных стран. Таким образом, сформировалась структура будущего музея: отделы по народам Восточной Европы (литовско-славянский, русский, финно-угров и турко-татар Восточной Европы), отделы Кавказа и Передней Азии, Туркестана, Сибири, а также центральноазиатский (Тибет, Китай, Япония, Корея) и отдел Индонезии, Австралии и Океании. В дальнейшем намечалось выделить еще три самостоятельных отдела: Африки, Америки и Греко-романо-германский¹⁵.

В конце 1923 г. для ЦМН было передано здание Мамоновой дачи на Воробьевых горах (ныне ул. Косыгина 4) – усадьбы середины XVIII в., красиво расположенной на высоком обрывистом берегу Москвы-реки. В первые годы за музеем оставался и дом Пашкова. Центральный музей народоведения был открыт 1 июня 1924 г., а 1 августа на Мамоновой даче состоялось открытие Этнопарка¹⁶. Чаения московских этнографов наконец-то сбылись.

В основу фондов ЦМН легли коллекции этнографического отдела Румянцевского музея, наиболее полно представлявшие народы России и зарубежных славян (около 30 тыс. предметов)¹⁷. Их дополнили этнографические коллекции Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, проходившей в Москве в 1923 г.: ЦМН было передано 4748 экспонатов из отдела народного быта и 1031 экспонат из отдела деревни (всего 5779 предметов по более чем 20 народам СССР)¹⁸. Из Политехнического музея удалось получить коллекцию по детскому воспитанию (люльки, игрушки, ходунки и т. п. – около 4 тыс. экспонатов), собранную Е.А. Покровским для Антропологической выставки 1879 г.¹⁹ Из Государственного Исторического музея (далее ГИМ) поступило около 2,5 тыс. предметов (коллекции, непрофильные после реорганизации ГИМа 1921–1924 гг.), около 5 тыс. предметов из Государственного музейного фонда, часть экспонатов была передана Военно-Историческим музеем и Строгановским училищем²⁰. Таким образом, фонд ЦМН на момент открытия составил около 50 тыс. ед. хр. с наиболее полными коллекциями по восточным славянам.

Директором ЦМН стал выдающийся отечественный фольклорист и этнограф Борис Матвеевич Соколов (1889–1930), он же заведовал отделом угро-финнов и турко-татар. Б.М. Соколов имел большой опыт музейной работы: в первые послереволюционные годы он жил в Саратове, где ему удалось создать Этнографический музей, а при нем – уникальные Музей голода и Музей волгаря (закрыты в конце 1930-х годов)²¹.

Русский отдел ЦМН возглавил В.В. Богданов, его помощницей стала Н.И. Лебедева. В отделе работали научные сотрудники В.П. Никольская (ученица Б.М. Соколова из Саратова), З.Е. Аллендорф, М.В. Янчук. Славяно-литовский отдел состоял лишь из двух человек: заведующего П.П. Свешникова и научного сотрудника Ю.А. Самарина. Помощником заведующего отделом угро-финнов стал М.Т. Маркелов (ученик Б.М. Соколова). Здесь же работали К.П. Герд, А.П. Милли-Прокопьев, Кальман-Кориш. Отдел Кавказа и Передней Азии возглавил лингвист и этнограф Н.Ф. Яковлев, его помощником был Е.М. Шиллинг, научной сотрудницей – Н.В. Маркова. Отдел Средней Азии возглавлял Б.В. Миллер с ним работали В.Ю. Крулянская (ученица Б.М. Соколова из Саратова), Е.Т. Воеводская и С.П. Преображенский. Отделом Сибири руководил Б.А. Куфтин, в его состав входили Б.А. Васильев, П.Е. Островских, Г.И. Оросин и М.А. Пестовская. В отделе Австралии работали археологи Б.С. Жуков и Е.И. Горюнова, а также К.А. Виноградов и Л.В. Тихомирова. Экскурсоводами были Е.Н. Елеонская, М.В. Бердоносов и В.Н. Белицер. Библиотекой заведовал М.Я. Феноменов²². В 1927–1929 гг. в музей пришли работать Ф. Девлеткильдеева, А.А. Ходосов, А. Дэвлет, М.Г. Левин, М.И. Квитко, С.А. Токарев, И.С. Ильинская, Р.С. Липец и С.П. Толстов²³.

В соответствии с проектом В.В. Богданова, ЦМН в первые годы существования подразделялся на Этногалерею и Этнопарк. Этногалерея, до 1927 г. помещавшаяся в Пашковом доме, в основном сохранила старую экспозицию Дашковского музея²⁴. На первом этаже были выставлены небольшие коллекции по Африке, Австралии, островам Тихого океана, Индонезии, Китаю и Японии. В отдельном зале располагались коллекции экспедиции Ф.П. Рябушинского по Алеутским островам и северо-востоку Сибири. В центральном зале в трех рядах витрин экспонировались коллекции по Средней Азии, Сибири, Поволжью, Кавказу и северу европейской части СССР. Зал второго этажа был посвящен славянским и балтийским народам: украинцам, белорусам, русским, южным и западным славянам (болгары, черногорцы, сербы, словенцы, поляки, чехи, русины), латышам и литовцам. В небольшом кабинете были выставлены коллекции по народам Приамурья и Сахалина – айнам, ороchonам, нанайцам²⁵.

Но изюминкой ЦМН должен был стать Этнопарк, проект которого по сути дела так и остался на бумаге. Впервые проект этнографического музея под открытым небом был выдвинут в России в 1901 г. профессором Казанского университета И.Н. Смирновым. Он предложил организовать его при этнографическом отделе Русского музея²⁶. В 1919 г. в Петрограде был создан уникальный Центральный географический музей, при котором планировалось создание парка, отражающего географические зоны Северной России с типичными для них постройками²⁷. Идея создания Этнопарка в Москве высказывалась в 1919 г. Б.Ф. Адлером, в 1921 г. – В.В. Богдановым²⁸, однако уже в июле 1924 г. в одной из своих работ В.В. Богданов отмечал, что «попытка... Центрального музея народоведения в Москве планировать и осуществлять... музей на воздухе для народов и в обстановке природы всей России, в силу большого протяжения ее территории и разнообразия отдельных ее частей, встречается с огромными трудностями, которые едва ли можно преодолеть безболезненно»²⁹.

Однако Б.М. Соколов этой затее не оставил. Для него концепция Этнопарка была воплощением его представлений о сущности понятия «музей»: «Что такое музей – научное и просветительное учреждение. Не склад ненужных вещей. Это музей жизни»³⁰. Ученый изучал опыт музеев под открытым небом в Европе (1928), выступал в периодической печати со статьями о необходимости существования Этнопарка в

Москве. В статье «О московском Этнопарке» (1928) Б.М. Соколов изложил свой проект его создания³¹. Согласно ему, Этнопарк должен был разместиться на правом берегу Москвы-реки – от территории Парка культуры и отдыха (включая ее) до Воробьевых гор (приблизительно до нынешнего просп. Вернадского) и на левом берегу – между Новодевичьим монастырем и рекой, и состоять из семи секторов: 1) русских; 2) белорусов; 3) украинцев и южнорусских (поле между окружной железной дорогой и Мамоновой дачей); 4) финно-угров и турко-татар (от украинского сектора до Воробьевых гор); 5) Кавказа (обрывистый берег Мамоновского парка до Воробьевых гор); 6) народов Сибири (до Воробьевых гор); 7) кочевников и Средней Азии (на низменном левом берегу реки; выше – оседлые народы, ниже – «юрты степняков»)³². Каждый сектор должен был размещаться в сходных с настоящими ландшафтными условиях, предполагались разведение домашних и диких животных, высадка культурных растений и деревьев, соответствующих природному окружению каждого народа³³. Основная экспозиция должна была состоять из этнографических («реликтовых» и современных) жилищ (со всем внутренним и внешним убранством) в природном окружении, показа приемов охоты и рыболовства (в прудах и реке), водного транспорта, выставочных павильонов (географические и демографические материалы, материалы по социалистической реконструкции национальной области, народные промыслы и искусство соответствующей национальности), тут же должны были демонстрировать свое мастерство кустари и исполнители песен, танцев, сказители и фокусники, планировались катанья на собаках, оленях, верблюдах, иноходцах, работа столовых, специализировавшихся на блюдах национальной кухни³⁴. Но этот проект в силу ряда причин так и остался неосуществленным. Среди них можно назвать финансовые трудности, сложность хранения построек под открытым небом, но главной из них, наверное, была неожиданная смерть Б.М. Соколова, прервавшая также работу над книгой «Музеи под открытым небом в Скандинавии и будущие Этнопарки в Москве» (1930)³⁵.

Чем же был Этнопарк ЦМН в действительности? Основная экспозиция открылась в августе 1924 г. в здании Мамоновой дачи: шесть обстановочных зал (киргизы, узбеки, русские, украинцы, белорусы, один из малых народов Сибири), а также выставки макетов жилищ, детского воспитания (коллекция Е.А. Покровского), костюмов народов Поволжья, быта народов Дальнего Востока и Кавказа; под открытым небом (?) расположились бурятская, киргизская и хакасская юрты, берестяной хантыйский чум³⁶. Основным типом экспозиции стали обстановочные сцены – комплексы музейных предметов, воспроизводящих в своей совокупности бытовую обстановку. Особенно любимы были сцены, воспроизводящие какой-либо трудовой процесс «на полном ходу», например, сцена с ткацкой палас чеченкой³⁷. Большинство сцен строилось на основе только что собранных полевых материалов, что обеспечивало их высокую научную достоверность. Вот как вспоминала об экспозиции музея Н.И. Лебедева: «В Украинском подотделе была выставлена систематическая коллекция по гончарству Украины: черная лощеная посуда, хомутца, расписная глиной из Подолы (из командировки Ю.А. Самарина) и поливная посуда (...). К этой систематической коллекции была дана обстановочная сцена «В избе гончара». Дана была внутренность хаты из д. Ереськи (Полтавщина, сбор 1925 г., Н.И. Лебедева) с печью из упорных изразцов с дымарем..., с гончаром, сидящим за гончарным кругом волошского типа, с маленьким столиком – «стыльцом» – очень низким, и низкими стульчиками-«стыльцами» – характерною чертою старинных украинских изб»³⁸. До 1927 г. первый этаж Мамоновой дачи занимал отдел народов Сибири (ханты, ненцы, якуты, буряты). На втором этаже были представлены народы Средней Азии (сцена «Самаркандский базар», киргизы у юрты), Кавказа (кубачинские ремесленники по материалам экспедиции Е.М. Шиллинга и Н.Ф. Яковлева в Кубачи зимой 1925 г., открыт 1 мая 1925 г.)³⁹. Далее следовали белорусский (постройки и манекены рыбака, пчеловода и уличного музыканта с медведем), украинский (хата гончара, сцена «Сорочинская ярмарка») и русский (ткачество Саратовской губ., курная изба Калужской губ.) залы⁴⁰. В 1926 г. было

открыто и дорабатывалось несколько новых сцен: марийское бортничество, марийский оwin, ремесленные мастерские крымских татар, женская половина узбекского жилища, черкесская хозяйственная постройка «шхалешь» и сцены первобытного земледелия (по материалам Аварского округа Дагестана)⁴¹. Действовали две временных выставки по результатам экспедиций в Брянское Полесье и Абхазию⁴².

В 1927 г. музей из Пашкова дома переехал в здание Нескучного дворца на Большой Калужской (ныне Ленинский просп. 14). С этих пор музей стал делиться (вместо Этнопарка и Этногалереи) на отделения европейской (Нескучный дворец) и вневосточной (Мамонова дача) этнографии. Новая экспозиция открылась 15 декабря 1927 г. В Нескучном дворце экспонировались коллекции по восточным, западным и южным славянам, молдаванам, латышам, литовцам, тюркским и финно-угорским народам европейской части СССР. На Мамоновой даче открылись экспозиции по народам Сибири, Средней Азии, Кавказа⁴³. В 1927–1929 гг. в ЦМН проходили выставка искусства народов СССР, устроенная Государственной академией художественных наук – ГАХН (часть коллекций этой выставки потом была передана музею), отчетная выставка Тунгусской экспедиции ЦМН, выставки «Деревня на путях к социализму» и «Труд и быт женщины», выставка по малым народам Севера (совместно с Комитетом малых народов Севера при ВЦИК)⁴⁴.

В 1927 г. было решено приступить к организации вводного отдела «Человек и его культура». Задача отдела – подготовка посетителя к восприятию остальной экспозиции, введение в основные разделы науки о человеческих культурах. Открывшийся только в 1930–1931 гг., он состоял из шести разделов: антропологического, «Человек и среда», археологического, этнологического, политического и культурно-экономического и раздела СССР⁴⁵.

ЦМН осуществлял и издательскую деятельность. В 1926 г. музей издал два выпуска из серии «Этнологические очерки»⁴⁶; в 1929 г. вышел в свет первый том «Трудов ЦМН»⁴⁷. Бюро просветительной работы музея с 1928 г. выпускало серию популярных брошюр о жилище, одежде, быте народов СССР, а также по отдельным народам, представленным в музее⁴⁸. Были напечатаны также тексты отдельной экскурсии по отделению вневосточной этнографии и путеvodитель Б.А. Куфтина по буддийским коллекциям музея⁴⁹. Однако не все подготовленные к изданию работы удавалось опубликовать. Так, не был опубликован подготовленный еще в 1925 г. том «Трудов ЦМН», куда вошли большая статья Б.М. Соколова о ЦМН, Б.А. Куфтина о гонимости у русских, П.П. Свешникова о южнославянских коллекциях ЦМН (с выставки 1867 г.), Н.И. Лебедевой о русском обрядовом печенье⁵⁰. Та же участь постигла и готовившийся в 1926 г. к печати «Сборник результатов экспедиционной работы музея за 1925 г.»⁵¹.

В музее регулярно проводились фольклорные концерты, способствовавшие воплощению в жизнь концепции «живого музея». В середине 1920-х годов на радио сотрудники музея прочитали цикл лекций «Быт народов СССР»⁵².

ЦМН тесно сотрудничал с краеведческими обществами и музеями на местах, с вузами (этнологическим и физико-математическим факультетами МГУ, педагогическим факультетом 2-го МГУ, Коммунистическим университетом трудящихся Востока). В стенах музея студенты проходили практику, участвовали в создании экспозиций, ездили в музейные экспедиции. Е.М. Шиллинг вел семинар по музееведению для аспирантов Института народов Востока. Связь с зарубежными музеями и научными учреждениями была налажена благодаря командировкам Н.Ф. Яковлева и Б.М. Соколова в европейские страны⁵³.

Основой комплектования ЦМН стали экспедиции. Приоритетные направления – изучение восточных славян, угро-финских и тюркских народов Поволжья, народов Кавказа, Средней Азии, Сибири. Особое внимание уделялось изучению малых народов, субэтнических групп и этнических меньшинств (например, болгар в Крыму). В 1925 г. было осуществлено 14 поездок (из них 3 крупные экспедиции), в 1926 г. – 13, в 1927 г. – 7, в 1928 г. – 10, в 1929 г. – 11. Некоторое сокращение их числа говорит не о

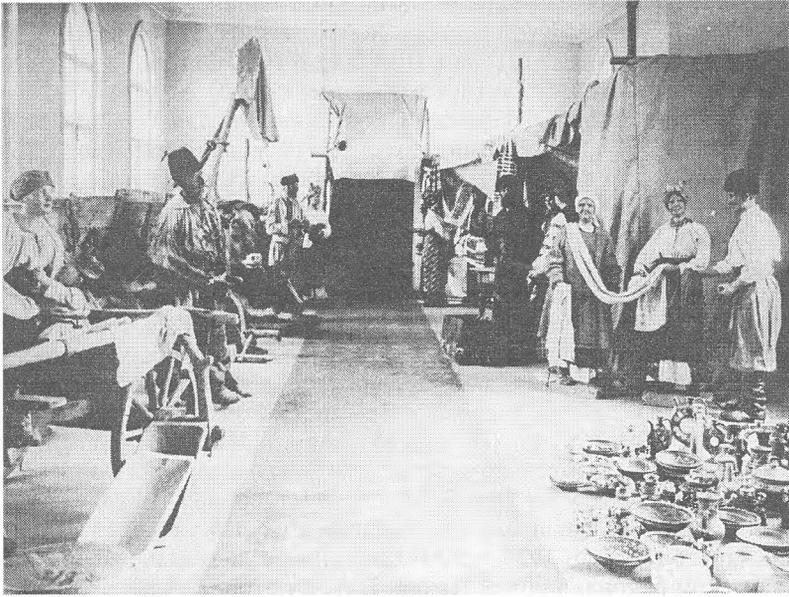

Рис. 1. Экспозиция отдела восточных славян. Российский государственный архив кино-фотодокументов. РГАКФД

свертывании экспедиционной работы, а об укрупнении некоторых экспедиций и повышенном внимании музея к изучению отдельных районов.

В 1925 г. под руководством Б.М. Соколова начала работу *Восточнофинская экспедиция* ЦМН, изучавшая финно-угорские народы Поволжья. В ее состав вошли М.Т. Маркелов, М.Я. Феноменов, К.П. Герд, Б.А. Васильев, М.И. Веткин, И.Я. Бондяков. С 1926 г. экспедиция разделилась на два отряда: этнологический (его возглавил М.Т. Маркелов), работавший совместно с НИИ народов Востока, и палеоэтнологический (руководитель Б.С. Жуков), сотрудничавший с Антропологическим институтом 1-го МГУ. Первый в 1925–1928 гг. исследовал марийцев, удмуртов (1925), мордву-эрзя и мордву-мокшу (1926), а также этнографическую группу терюхан (1927–1928) на территории Марийской и Вотской автономий, Вятской, Нижегородской и Ульяновской губерний. Палеоэтнологический отряд проводил археологические исследования в Нижегородской, Пензенской губерниях и в Марийской автономной области. Отдел угро-финнов и турко-татар ЦМН осуществлял также небольшие поездки к тюркским народам европейской части СССР. В 1925–1929 гг. сотрудники отдела Б.А. Куфтин, С.П. Толстов, А.П. Милли-Прокопьев, Б.А. Васильев, Ф.А. Девлеткильдеева и А.А. Ходосов побывали у чуваш, казанских, крымских, касимовских и крещеных татар, башкир⁵⁴.

Сотрудница Русского (с 1928 г. – Восточнославянского) отдела Н.И. Лебедева с 1925 г. исследовала культуру восточных славян сначала в Брянском (1925 г., совместно с В.П. Никольской и с З.Е. Аллендорф; 1926 г. – самостоятельно), а затем в Припятском Полесье (1927 г. также совместно с В.П. Никольской). Цель экспедиций в Брянское Полесье – комплексное изучение материальной и духовной культуры южнорусских, украинцев и белорусов (жилище, костюм, средства передвижения, промыслы, календарные праздники, аграрные и скотоводческие обряды, культ предков и т.п.)⁵⁵. Последующая экспедиция в Белорусское Полесье дала обширный материал по духовной и материальной культуре, истории и экономике поселений. Собранные коллекции послужили основой для Белорусского зала в ЦМН⁵⁶. Отдел осуществлял и небольшие поездки. Так, в 1925 г. белорусов под Гомелем исследовала Н.Г. Масла-

ковец, Н.И. Лебедева изучала украинцев на Полтавщине. В Дмитровский у. Московской губ. выезжали Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, В.П. Никольская и З.Е. Аллендорф. В 1926 г. Н.И. Лебедева ездила в Витебскую губ., попутно собирая материалы для экспозиции по восточнославянскому ткачеству; Ю.А. Самарин совместно с фольклорной экспедицией ГАХН ездил в Олонецкую губ. для изучения материальной культуры Русского Севера и на Киевщину с целью изучения украинского гончарства и культуры местечковых евреев (в ЦМН предполагалось открыть отдел еврейского быта). В 1927–1928 гг. Ю.А. Самарин присоединился к экспедиции ГАХН уже вместе с Б.М. Соколовым; в районе Кенозера и Водлозера они изучали крестьянские постройки и промыслы⁵⁷. В 1929 г. состоялись две небольшие поездки: В.П. Никольской в Вятский у. (изучение игрушечного промысла) и Н.И. Лебедевой в Брянское Полесье в качестве консультанта в съемках фильма для музея⁵⁸. Как вспоминала позднее Н.И. Лебедева, «картина отлично демонстрировалась в некоторых кинотеатрах Москвы – давала картину быта отсталой деревни с ее обрядами и поверьями и заканчивалась за съемкой в колхозе «Пчелка» – новыми проблесками в быту»⁵⁹.

В январе 1925 г. Н.Ф. Яковлев и Е.М. Шиллинг (отдел Кавказа) изучали в Дагестане кубачинцев и аварцев, по результатам этой экспедиции в музее был открыт зал Дагестана. Осень того же года Е.М. Шиллинг провел в Гудаутской Абхазии. Заведующий отделом Средней Азии Б.В. Миллер изучал тальшей в Ленкоранском у. Азербайджанской ССР. В 1926 г. Е.М. Шиллинг исследует ингушей в Чеберлаевском и Шароевском районах Горной Чечни; Б.А. Куфтин изучает в Северной Осетии надземные могильники XV–XIX вв. Работы в Абхазии были продолжены под руководством Е.М. Шиллинга в 1927 г. На их основе в музее были устроены обстановочная сцена по абхазскому жилищу и систематическая экспозиция по обрядам и материальной культуре. 1928 был отмечен совместной поездкой Е.М. Шиллинга и художника С.И. Фомина в Сванетию, где была собрана коллекция по сванам, а также разведками в Мегрелии, Карталинии, Аджарии и Армении. В 1929 г. создана Закавказская экспедиция ЦМН, первый отряд которой отправился в Аджарию и Кахетию (Е.М. Шиллинг и Е.Р. Бинкевич) изучать сельское хозяйство, кустарные производства и положение женщины. Второй отряд (Б.А. Куфтин, В.А. Ватагин, В.К. Куфтина) работал в Северной Карталинии и Месхетии, изучая материальную культуру и национальные мелодии. М.С. Плисецкий (третий отряд) изучал грузинских евреев. В том же году состоялись небольшие поездки Б.М. Соколова к шапсугам и студентки МГУ Е.С. Займовской в Кабарду⁶⁰.

Исследования в Средней Азии начались в 1925 г. поездкой В.Ю. Крупянской, Е.Т. Воеводской и художника В.А. Ватагина в Узбекистан для изучения узбеков. В 1926 г. Б.В. Миллер и С.П. Преображенский побывали в Таджикистане (Ура-Тюбе), где изучали равнинных таджиков и среднеазиатских евреев; они посетили также Ташкент, Самарканд, Бухару, Ходжент. Было собрано около 130 предметов по местным производствам и еврейской обрядности. Длительную (в течение шести месяцев) разведочную поездку в Среднюю Азию совершил в 1928 г. А. Дэвлет, обследовавший казахов (р. Или, Джунгарский Алатау), киргизов (оз. Иссык-Куль и окрестности), каракалпаков (дельта Амударьи), узбеков (Хива), туркменов (Ургенч). По каракалпакам была собрана небольшая коллекция (костюм, орудия прядения и ткачества). В том же году В.Ю. Крупянская изучала в районе Самарканда местные промыслы (ткацкий, гончарный, ювелирный, медно-чеканный и др.). В 1929 г. отдел организовал большую экспедицию в Хиву (В.Ю. Крупянская, А. Дэвлет, Е.Т. Воеводская и студенты МГУ Н.А. Баскаков, Н.В. Черкасова, М.А. Либих). Целью экспедиции было изучение кустарных промыслов, сельского хозяйства, жилища и домашнего быта⁶¹.

Большой фронт полевых работ развернуло и отделение Сибири. В 1926 г. сотрудник отдела В.В. Никифоров был включен в состав Якутской экспедиции Академии наук, а с 1927 г. в Сибири начала работу *Тунгусская этнолого-антропологическая экспедиция*, возглавлявшаяся Б.А. Куфтиным. Это была совместная экспедиция ЦМН и Антропологического института МГУ, целью которой стало комплексное обследо-

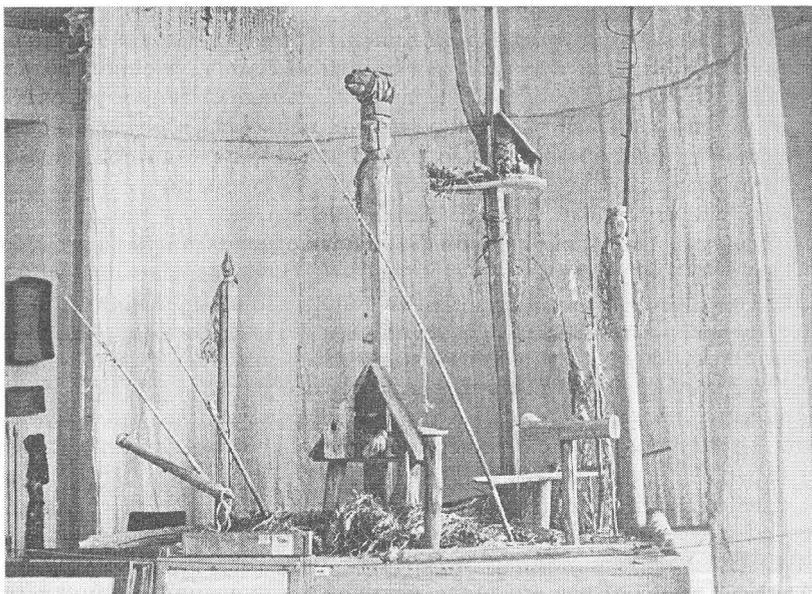

Рис. 2. Экспозиция «Шаманское капище тунгусов». 1929. РГАКФД

Рис. 3. Обстановочная сцена «Якутский шаман». РГАКФД

вание тунгусо-манчжурских народов. В 1927 г. экспедиция делилась на западную (северный берег Байкала) и восточную (Нижний Амур и Приморье) группы. В первой работали М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский. Группа сосредоточила исследования на этнографии оленных эвенков и раскопках тунгусских могильников. Восточная группа (Б.А. Куфтин, Б.А. Васильев (ЦМН) и антрополог А.Н. Покровский (Антропологический институт)) исследовала орочей бассейна рек Хади и Тумнина и попутно – удэгейцев, нанайцев и нивхов. В 1928 г. экспедиция делилась на Сахалинскую

(Б.А. Васильев, А.Н. Покровский, студент МГУ А.М. Пришвин) и Амуро-Приморскую (Б.А. Куфтин, В.А. Ватагин, В.К. Стещенко) группы. Сахалинская группа провела разведки среди ульчей и нанайцев в низовьях Амура, а основной ее работой стало исследование ороков на восточном берегу Сахалина, по которым были собраны богатые коллекции (оленоводство, рыболовство, медвежий праздник, костюм, деревянная резьба). Амуро-Приморская группа сначала работала среди удэгейцев на р. Хор (материалы и коллекции по костюму, рыболовству, охоте, шаманству). Подробно был зафиксирован (фотосъемка, рисунки, нотная запись) двухдневный шаманский обряд с жертвоприношением. Были обследованы также нивхи Приморья и островов Татарского пролива⁶². Художник В.А. Ватагин вспоминал об одном из эпизодов этой поездки: «Перед отъездом мы попросили шамана напутствовать нас на дальнейшее путешествие – он охотно согласился. Вечером в полутьме чума он с помощником провел ритуал камлания на наше благополучие. В свещающем наряде, с железными погрешками и множеством тонких ремешков, спускающихся вокруг пояса, под глухие ритмичные удары в огромный бубен он пел заклинания и призывал богов и исполнял торжественный танец, и в такт с глухими ударами бубна звенели железные подвески и извивались, как змеи, кожаные тесьмы. Помощник отрезал голову освященного петуха, и кровь в чаше поднес нам (мы сделали вид, что причастились). Все действие было искусно исполнено и произвело на нас впечатление»⁶³. В 1929 г. отделение Сибири осуществило одну небольшую поездку М.Г. Левина на Алтай (Ойротия) для изучения родовой организации и социального строя алтайцев⁶⁴.

Экспедиции организовывало и славяно-литовское отделение. В 1926–1927 гг. П.П. Свешников изучал болгар и немцев-колонистов в Крыму. В 1928–1929 гг. он же совместно с профессором МГУ М.В. Сергиевским организовал этнолингвистическую экспедицию в Молдавию. Исследования были сосредоточены на взаимовлияниях украинской и молдавской культуры в этнографическом и лингвистическом отношениях⁶⁵.

В 1926 г. во время командировки во Францию Н.Ф. Яковлев собрал коллекцию по баскам⁶⁶.

В основном благодаря экспедициям, к январю 1929 г. фонды отдела восточных славян насчитывали 20 990 ед. хр., славяно-литовского – 3575 ед. хр., угро-финского – около 6000 ед. хр., турко-татарского – около 4100 ед. хр., среднеазиатского – около 4500 ед. хр., кавказского – 3788 ед. хр., сибирского – около 8000 ед. хр., Южной и Восточной Азии – около 4150 ед. хр., Австралии – 2716 ед. хр. Таким образом, к 1929 г. общий фонд музея насчитывал до 60 тыс. ед. хр., что вдвое больше коллекций Дашковского музея начала 1920-х годов⁶⁷.

С 1931 г. в ЦМН началась реорганизация, вылившаяся в преобразование ЦМН в Музей народов (МН) СССР при ЦИК СССР (постановление Президиума ЦИК СССР от 17 декабря 1934 г.)⁶⁸. Если до этого времени музей строился по замыслам ученых, то теперь его лицо в большей мере стало определяться указаниями «сверху». Реорганизации предшествовали увольнение в январе 1929 г. и последующая ссылка В.В. Богданова⁶⁹, уход с поста директора, а затем неожиданная смерть Б.М. Соколова в 1930 г.⁷⁰ Уход из музея его основателей, проводивших разные, подчас противоположные линии в развитии ЦМН, но, несмотря на это, горячо любивших свое общее детище и болееших за него, был глубоко символичен.

На Первом всероссийском музейном съезде (1930 г.) перед музеями была поставлена задача непосредственного обслуживания социалистического строительства⁷¹. В 1932–1934 гг. под эгидой Наркомпроса РСФСР проводилась реорганизация этнографических музеев в музеи национальной политики⁷². ЦМН – МН СССР суждено было стать форвардом этого направления среди других музеев страны.

С конца 1920-х годов в музее начались увольнения, затем аресты. 28 октября 1929 г. по обвинению в «антисоветской агитации» был арестован и выслан в Шенкурск Б.А. Васильев⁷³. В 1930 г. были арестованы В.В. Богданов, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин⁷⁴. Куфтину и Богданову посчастливилось выжить, Б.С. Жуков погиб в 1934 г. в

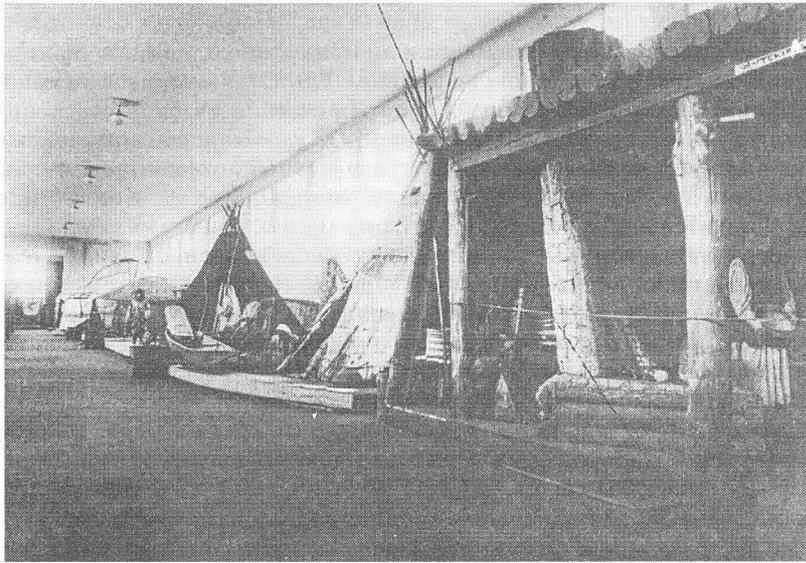

Рис. 4. Зал Сибири. РГАКФД

лагерях на Алтае. 1 ноября 1937 г. на Соловках был расстрелян работавший одно время в ЦМН удмуртский писатель и этнограф Кузубай Герд⁷⁵. В январе 1933 г. был арестован глава отдела угро-финнов М.Т. Маркелов. Позже его выслали в Томск, где он 3 года проработал в университете, затем снова был арестован и в конце 1937 г. расстрелян⁷⁶. По делу Российской национальной партии в 1933 г. была арестована и сослана Н.И. Лебедева, еще в 1931 г. уволенная из музея⁷⁷. В конце 1935 г. «по идеологическим и политическим соображениям» уволили Ю.А. Самарина⁷⁸. В 1936 г. был сначала понижен в должности, а затем и уволен С.А. Токарев. Тогда же из музея ушел (или был уволен?) С.П. Толстов. По всей вероятности, этот список можно продолжить, потому что из тех, кто работал в музее в 1920-х годах, в 1930-х остались единицы, в том числе В.Н. Белицер, Е.Т. Воеводская, Е.И. Горюнова, М.Г. Левин и Е.М. Шиллинг. Среди новых сотрудников следует назвать В.К. Гарданова, Т.А. Жданко, Г.С. Маслову, С.П. Русьякину.

После Б.М. Соколова музей возглавил А.А. Тахо-Годи, затем пост директора занял А.И. Ухарский, начавший работу по «изгнанию из музея враждебных установок старой этнографии»⁷⁹. В 1932 г. директором ЦМН стал Э.Г. Мансуров, в середине 1920-х годов входивший в состав правления ЦМН.

С реорганизацией музея изменились и принципы комплектования. Экспозиции, собранные во время экспедиций, теперь отправлялись преимущественно в колхозы и промышленные центры для сбора материалов, отражающих успехи национального строительства. В 1931–1932 гг. под руководством М.Т. Маркелова проходила экспедиция в Башкирию. В 1934 г. состоялись Среднеазиатская (рук. Гиясов), Якутская (рук. С.А.Токарев) и Кабардино-Балкарская (рук. В.К. Гарданов и Л. Добрускин) экспедиции, а также несколько выездов (Е.М.Шиллинг – в Дагестан, Озеров – в Поволжье, Макарова – в Ненецкий национальный округ). Хотя в отчете музея об этих поездках говорилось, что их целью был сбор материалов по соцстроительству, настоящие этнографы использовали любую возможность для сбора этнографических материалов. На 1935 г. планировались экспедиции в Азербайджан, Чеченскую автономную область, Бухару и Хорезм, в Киргизию, Бурятию, на Амур, в Татарию⁸⁰. В 1936 г. проводились экспедиции в Узбекистан (Гиясов), Таджикистан (С.П. Русьякина), Киргизию (Е.И. Махова, Топорков), Дагестан (Е.М. Шиллинг), Башкирию

(В.Н. Белицер), на Русский Север (Житницкий). Е.И. Горюнова проводила раскопки в Мордовии⁸¹.

В связи с изменением профиля музея многие его коллекции были признаны «лишними». В начале 1930-х годов, по данным Т.В. Станюкович, ЦМН передал несколько «лишних» коллекций в другие этнографические музеи, в частности в Музей антропологии и этнографии⁸². В 1932 – конце 1933 г. была начата перепись наличных экспонатов, но сопоставления ее результатов с учетной документацией проведено не было⁸³. Так, по документации, египетская коллекция К.Т. Солдатенкова была передана в окончательное пользование другому музею, однако «в сентябре 1933 г. на мусорном дворе рабочим музея тов. Михаленко были найдены выкинутые с мусором 71 предмет египетских вещей из этой коллекции (!)⁸⁴. Из-за отсутствия должной системы охраны многие экспонаты были похищены. В конце 1933 – первой половине 1934 г. было создано централизованное хранилище фондов. Но вся работа пошла насмарку из-за выселения музея в июне 1934 г. из Нескучного дворца, где располагались фондохранилище и основные экспозиции»⁸⁵. Фонды в срочном порядке были перевезены на Мамонову дачу и в Новодевичий монастырь. Подвал Новодевичьего монастыря, где хранились резьба по дереву, нарты, юрты, сани и другие экспонаты, вскоре был затоплен. То, что не было затоплено, лежало в сырости в открытых сундуках без пломб»⁸⁶. На Мамоновой даче фонды пришлось разместить в «ветхих, опасных в пожарном отношении зданиях, и даже под наружными навесами», а в некоторых случаях – прямо под открытым небом, что вело к порче и гибели экспонатов⁸⁷. Тем не менее известно, что в 1938 г. в музее числилось 72 тыс. ед. хр. этнографических и 26 тыс. ед. хр. археологических коллекций⁸⁸.

Реорганизация неизбежно сказалась и на экспозиционной работе. В экспозиции теперь пытались отразить «национальные по форме и социалистические по содержанию» культуры народов СССР. В связи с этим этнография в экспозициях стала лишь вспомогательным материалом. Обстановочные сцены в большинстве своем сохранились, но научно-систематические экспозиции исчезли. Их заменили картины и схемы. В 1931 г. в музее проходила выставка соцстроительства Урало-Кузбасса⁸⁹. В 1932 г. открылись отделы Средней Азии, Урала и Поволжья, проходила грандиозная выставка соцстроительства Украинской ССР⁹⁰. В 1933 г. был заново открыт вводный отдел, главной целью которого стало ознакомление посетителя с положениями ленинско-сталинской национальной политики⁹¹. В 1934 г. все экспозиции были свернуты в связи с переездом музея на Мамонову дачу.

В 1936 г. была определена новая структура экспозиций музея, который теперь должен был состоять из трех частей: вводного исторического отдела (по теме «Царская Россия – тюрьма народов»), 11 отделов союзных республик и отдела Сталинской конституции⁹². Но из-за нехватки помещения открыть удалось далеко не все. К 1941 г. были открыты экспозиции отделов Кабардино-Балкарии (1936), Туркменской ССР (1938), Грузии (1940), частично – вводный отдел («Кавказ в XVIII–XX вв.»), отдел РСФСР («Народы Севера», 1936)⁹³. Последней (так и не открытой) выставкой музея в предвоенный период должна была стать выставка по Каракалпакии, открытие которой было намечено на 22 июня 1941 г.⁹⁴

Из всех направлений деятельности музея в этот период просветительная работа, пожалуй, единственная продолжала следовать традициям предыдущего десятилетия. Разрабатывалась методика экскурсий, которые проводились в игровой форме с чтением стихов и рассказов, завершаясь рисованием, лепкой или просмотром диапозитивов или кинофильма по соответствующей теме. До 1934 г. в музее существовала специальная комната школьника, где собирались члены детского кружка⁹⁵. В дни школьных каникул проводились так называемые экскурсии-массовки с походами на лыжах, катанием на собаках и т.п. В 1934 г. МН СССР был премирован как один из лучших музеев по обслуживанию школы⁹⁶. Большое значение уделялось передвижным выставкам, выезжавшим на предприятия и в деревни⁹⁷.

Судьба реорганизованного музея беспокоила научную общественность, однако это

почти никак не отражалось на страницах этнографической периодики. Редким примером того, что же на самом деле думали ученые о реорганизации ЦМН, является небольшая заметка 1934 г., подписанная инициалами АЗ: «Этнография в Москве... находится в беспризорном состоянии. ЦМН, превратившийся в Музей истории народов СССР, уделяет максимум внимания послереволюционному периоду... не ставя собственно этнографических проблем. В Москве отсутствует и единый научно-исследовательский центр, концентрирующий этнографическую работу. Это привело к распылению кадров и к почти полному «вымиранию» этнографов в Москве»⁹⁸. В середине 1930-х годов высказывалась даже мысль о слиянии МН СССР и Исторического музея⁹⁹.

В начале 1940-х годов этнографы (правда, в музее уже не работавшие) поднимали вопрос о катастрофическом положении этнографии в МН СССР. В марте 1941 г. С.П. Толстов в докладе, сделанном в Музее этнографии в Ленинграде, отмечал, что «отказавшись от этнографического профиля», МН СССР «заморозил» свои этнографические коллекции и, пытаясь показать социалистическое строительство национальных республик, строил по существу не музей, а политико-просветительные выставки»¹⁰⁰. В январе того же года к С.А. Токареву приходил за советом Е.М. Шиллинг по поводу «антиэтнографической политики» в МН СССР и нависшей над музеем угрозы закрытия. Ученые пришли к выводу, что «необходимы энергичные меры для превращения этого музея в этнографический», в связи с чем намечалось поставить этот вопрос на кафедре этнографии МГУ¹⁰¹. Но, по всей видимости, все эти действия не привели к положительным результатам.

В конце 1941 г. музей приказом Наркомпроса РСФСР был законсервирован¹⁰². Наиболее ценные коллекции эвакуировали в Омск, крупные и менее ценные экспонаты остались в подвалах Новодевичьего монастыря и Мамоновой дачи¹⁰³. Но работа музея не прекращалась. Только за зиму 1941–1942 гг. МН СССР провел в помещении Московской консерватории восемь передвижных выставок, посвященных обороне Москвы¹⁰⁴. В 1943 г. музей выселили из последнего оставшегося за ним здания – Мамоновой дачи¹⁰⁵. Директор музея Н.Г. Черепанов вспоминал в 1946 г. об этом времени: «Экспозиция варварски разрушена, орнаментированная роспись в залах музея почти вся погибла, почти вся специальная мебель (стенды, витрины, шкафы, стеклянные колпаки и прочее) расхищена и сломана, обстановочные сцены, большое количество макетов, сотни манекенов, керамические изделия, фарфор, стекло превращены в лом»¹⁰⁶. Фонды разместились в школьном здании по адресу: Почтовая ул. 20.

После войны музей постепенно начал возрождаться. В эти годы в МН СССР работали В.А. Петросян (директор), В.Н. Белицер, Е.С. Карпова, А.А. Лебедева, П.И. Ломакин, Г.С. Маслова, Т.А. Резникова, С.П. Русайкина, Н.И. Сафонова, Н.Ф. Такоева, Е.А. Швырова¹⁰⁷. В августе 1945 г. была открыта выставка русской народной одежды, в 1947 г. – народной одежды и творчества украинцев, в конце 1947 г. – белорусов¹⁰⁸. Эти выставки – первая попытка выйти из состояния консервации – были доступны только узкому кругу лиц: ученым, художникам и студентам. Возобновились экспедиции: в 1946 г. – в Закарпатье, в 1947 г. – в Полесскую и Пинскую области¹⁰⁹. Планировались экспедиции в Грузию, Армению и на Украину (1948), Азербайджан (1949), Узбекистан (1950). К 1950 г. должны были вновь открыться экспозиции по культуре и быту народов всех союзных республик¹¹⁰.

Но уже в начале 1947 г. над музеем начали сгущаться тучи. 17 января Мосгорисполком постановил выселить музей из занимаемого им здания, но благодаря ходатайству Комитета по делам культпросветучреждений (Комитет КПУ) исполнение решения удалось отсрочить¹¹¹. В том же 1947 г. музей был вновь переселен и получил церковное здание на Ульяновской ул. (вероятнее всего, церковь Симеона Столпника за Яузой, ныне – Николаямская 10), развернуть экспозицию в которой было невозможно. Просьбы, обращения в Совмин и Моссовет о предоставлении помещения результатов не дали. Вскоре Комитет КПУ внес в Совет министров СССР «предложение о временном слиянии Музея народов СССР с Ленинградским этнографическим

музеем и о передаче последнему коллекций Музея народов СССР» (курсив мой. – А.И.)¹¹². Научная общественность Москвы пыталась повлиять на ход событий: в феврале 1948 г. было направлено письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о необходимости сохранения МН СССР. Его подписали А.М. Герасимов, В.А. Бонч-Бруевич, Н.С. Державин, С. Меркуров, Н.М. Дружинин, Г.Ф. Дебец, Г.А. Новицкий, С.А. Токарев, С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.В. Арциховский, П.Г. Богатырев, В.В. Богданов, М.Г. Левин, П.И. Кушнер, В.А. Рыбаков, С.П. Пассек, М.О. Косвен¹¹³. В апреле 1948 г. С.А. Токарев от имени научных работников писал в редакцию «Правды» в защиту музея¹¹⁴. Но все действия были безрезультатны: в 1948 г. Министерство финансов поставило вопрос о возможности существования музея, не имеющего условий для работы. Постановлением Совета министров РСФСР от 15 июля 1948 г. музей был закрыт, оставшиеся коллекции, собиравшиеся на протяжении почти 100 лет, переданы Государственному музею этнографии в Ленинграде (88 621 ед. хр.), Государственному Историческому музею и Музею революции¹¹⁵. В Музее этнографии был сначала сформирован фонд МН СССР, но затем эти коллекции влились в общее хранение. Основной фонд музейной библиотеки был передан в НИИ музейной и краеведческой работы¹¹⁶.

В результате закрытия МН СССР Москва понесла невосполнимую потерю. Один из крупнейших московских музеев своего времени, ЦМН – МН СССР был также одним из ведущих центров этнографической науки в 1920–1930-х годах. Привлечение в музей высококвалифицированных научных кадров способствовало превращению его в своеобразную школу, где набирались опыта молодые специалисты. Неслучайно костяк организованной в 1943 г. московской части Института этнографии составили этнографы, прошедшие школу Музея народоведения (В.Н. Белицер, Т.А. Жданко, М.Г. Левин, Р.С. Липец, Г.С. Маслова, С.А. Токарев, С.П. Толстов и др.). В годы существования музея его сотрудники исследовали около 50 этнических культур народов, населяющих СССР. Многие из них были тогда еще очень слабо изучены, и благодаря, в частности, экспедициям ЦМН стало возможным написать историю многих народов Союза. В этих экспедициях в дополнение к сбору коллекций создавалась база кинофото документов, являющаяся уникальным источником по визуальной антропологии. Экспозиции музея, созданные на основе новейших экспедиционных материалов, давали возможность познакомиться с особенностями жизни народов огромной страны.

В завершение этой статьи хочется повторить слова В.В. Богданова, написанные спустя десять дней после официального расформирования МН СССР: «Может ли Москва, с ее университетом и университетскими кафедрами по этнографии, с Институтом этнографии АН СССР... оставаться и дальше в полном отрыве от наглядного научного знакомства с бытом и культурой народов СССР и народов всего мира?»¹¹⁷.

Примечания

¹ Сегодня во вполне авторитетных изданиях можно встретить слова о том, что после расформирования Румянцевского музея в середине 1920-х годов его этнографическое собрание было отправлено в Ленинград (см.: *Кривошеина Г.Г.* Научные музеи Москвы: два века истории // Москва научная. М., 1997. С. 83).

² Подробнее о деятельности А.П. Богданова по созданию в Москве музея этнографии см.: *Богданов В.В.* Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (далее – ОИРЭФА). Вып. X. М., 1988. С. 158–164.

³ *Янчук Н.А.* Дашковский этнографический музей и отделение иностранной этнографии // Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862–1912. Исторический очерк. М., 1913. С. 177–178.

⁴ *Богданов В.В.* Выделение этнографии из Румянцевского музея // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1910. Кн. LXXXIV – LXXXV. № 1/2. С. 169–174.

⁵ Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (далее – НА ИЭА РАН). Ф. В.В. Богданова. Папка 55. «Проект организации Российского этнографического музея в Москве». Л. 5.

- ⁶ Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917 – первая половина 1960-х гг.). М., 1988. С. 71.
- ⁷ Крыжановский Б.Г. Принципы экспозиции этнографического музея. Л., 1926. (Музейное дело. Вып. 4); Руденко С.И. Музей истории человечества // Музей. 1924. № 2. С. 35–41.
- ⁸ Анучин Д.И. К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве // Казанский музейный вестн. 1920. № 1–2. С. 14–23.
- ⁹ Адлер Б.Ф. Всероссийский Центральный Этнографический Музей в Москве // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXX. Вып. 4. Казань, 1920. С. 465–495.
- ¹⁰ Адлер Б. Д.И. Анучин // Казанский музейный вестн. 1924. № 1. С. 91–93.
- ¹¹ НА ИЭА РАН. Ф. В.В. Богданова. Папка 55. «Проект организации...». Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 5–62.
- ¹³ Там же. Л.60.
- ¹⁴ НА ИЭА РАН. Ф. В.В. Богданова. Папка 71. «Положение о Центральном музее народоведения»; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 2307. Оп. 3. Д. 177. Л. 130–133.
- ¹⁵ НА ИЭА РАН. Ф. В.В. Богданова. Папка 55. «Проект организации...». Л. 61; Там же. Папка 71. «Положение...». Л. 1.
- ¹⁶ Иванов А.И. Центральный музей народоведения за пятнадцать лет революции // Советский музей (далее – СМ). 1933. № 2. С. 69; Бердонос М. В., Попов В.С. Жизнь и хозяйство народов Азиатской части СССР. План Экскурсии по ЦМН. М., 1929. С. 5.
- ¹⁷ Иванов А.И. Указ. раб. С. 68; ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 127. Л. 168.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 177. Л. 42, 43.
- ¹⁹ Иванов А.И. Указ. раб. С. 68; Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. 1867 – 1930 гг. СПб., 1994. С. 77, 106.
- ²⁰ Иванов А.И. Указ. раб. С.68; Шангина И.И. Указ. раб. С. 107–108; ГА РФ. Ф.2307. Оп.9. Д. 127. Л.168.
- ²¹ Коротин Е.И. Принципы организационно-собирающей работы в фольклористике 1920-х годов (Б.М. Соколов) // ОИРЭФА. Вып. IV. М., 1968. С. 125, 126; Бахтина В.А. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М., 2000. С. 224–226.
- ²² Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1926. № 1–2. С. 267.
- ²³ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 13. Д. 45. Л. 2.
- ²⁴ Достаточно сравнить описания экспозиций Дашковского музея и Этногалереи. См.: По Москве. М., 1991 (репринтное изд. 1917 г.). С. 570–596; Музеи и достопримечательности Москвы. Путеводитель. М., 1926. С. 151–159.
- ²⁵ Музеи и достопримечательности Москвы. Путеводитель. М., 1926. С. 151–159.
- ²⁶ Шангина И.И. 90 лет Российскому этнографическому музею в Санкт-Петербурге // Этнографическое обозрение (ЭО). 1993. № 1. С. 84.
- ²⁷ Полян М.П. В.П. Семенов-Тянь-Шанский и Центральный географический музей // Наука и власть. М., 1990. С. 122.
- ²⁸ Адлер Б.Ф. Всероссийский Центральный Этнографический Музей в Москве. С. 478; НА ИЭА РАН. Ф. В.В. Богданова. Папка 55. «Проект организации...». Л. 23.
- ²⁹ НА ИЭА РАН. Ф. В.В. Богданова. Папка 55. «Научные парки при краевых музеях как одна из очередных задач областного музееведения». Л. 1–2.
- ³⁰ Бахтин В.А. Указ. раб. С. 231.
- ³¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 483. Оп.1. Д. 3120; далее ссылки на проект Этнопарка даются по работе С.П. Григорова 1930 г. Объяснит. записка к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха, представляющей собой реферат указанной статьи Б.М. Соколова; РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3381. Л. 1–11.
- ³² РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3381. Л. 11.
- ³³ Там же. Л. 3.
- ³⁴ Там же. Л. 10.
- ³⁵ Там же. Д. 3137. Л. 1.
- ³⁶ Иванов А.И. Указ. раб. С. 69–70.
- ³⁷ Бердонос М.В., Попов В.С. Указ. раб. С. 5.
- ³⁸ Лебедева Н.И. Мемуары // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1997. Б.н. С. 129.
- ³⁹ Шиллинг Е.М. Дагестанские кустари (применительно к обстановочным залам этно-парка) // Этно-логические очерки. Вып. 1. М., 1926. С. 5.
- ⁴⁰ Музеи и достопримечательности Москвы... С. 159–163.
- ⁴¹ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения (1926). С. 269; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения в Москве в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 211.
- ⁴² Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения в Москве... С. 211.

⁴³ Иванов А.И. Указ. раб. С. 68; ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 13. Д. 45. Л. 17.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 13. Д. 45. Л. 4, 17; Ильинская И.С. Центральный музей народоведения // Этнография. 1930. № 1–2. С. 148.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3130. Л. 40, 41; ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 13. Д. 45. Л. 22.

⁴⁶ Шиллинг Е.М. Дагестанские кустари...; Куфтин Б.А. Киргиз-казаки // Этнологические очерки. Вып. 2. М., 1926.

⁴⁷ Лебедева Н.И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Материалы экспедиции 1927 г. // Труды ЦМН. Вып. 1. М., 1929.

⁴⁸ Елеонская Е.Н. Жилище. М., 1928; *ее же*. Как живут народы СССР. М., 1928; *ее же*. Одежда. М., 1928; Липец Р.С. Лопари. М., 1928. Маркелов М.Т. Мордва. М., 1928; *его же*. Вотяки (удмурты). М., 1929; Самарин Ю.А. Подольские гончары. М., 1929 и др.

⁴⁹ Бердоносков М.В., Попов В.С. Указ. раб.; Куфтин Б.А. Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения. По коллекциям, выставленным в Центральном музее народоведения. М., 1927.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 251. Л. 29.

⁵¹ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения (1926). С. 270.

⁵² Коротин Е.И. Указ. раб. С. 134.

⁵³ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 13. Д. 45. Л. 12–13.

⁵⁴ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения. (1926). С. 268; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения в Москве. С. 210; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1928. № 2. С. 134–135; Ильинская И.С. Указ. раб. С. 147.

⁵⁵ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения в Москве. С. 209.

⁵⁶ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения (1928). С. 134.

⁵⁷ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения (1926). С. 268; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения в Москве... С. 209; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения (1928). С. 134.

⁵⁸ Ильинская И.С. Указ. раб. С. 148.

⁵⁹ Лебедева Н.И. Указ. раб. С. 129. Фильм «В Брянском Полесье» хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов.

⁶⁰ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения (1926). С. 268; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения. С. 211; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения (1928). С. 137; Ильинская И.С. Указ. раб. С. 146, 147.

⁶¹ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения (1926). С. 268; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения в Москве... С. 211; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения (1928). С. 137–138; Ильинская И.С. Указ. раб. С. 147.

⁶² Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения в Москве... С. 211; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения (1928). С. 136–137.

⁶³ Ватагин В.А. Воспоминания // Ватагин В.А. Записки анималиста. М., 1980. С. 75, 76.

⁶⁴ Ильинская И.С. Указ. раб. С. 147.

⁶⁵ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения в Москве... С. 210; *его же*. Государственный Центральный музей народоведения (1928). С. 134–135; Ильинская И.С. Указ. раб. С. 147.

⁶⁶ Шиллинг Е. Государственный Центральный музей народоведения в Москве... С. 211.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 13. Д. 45. Л. 4.

⁶⁸ Там же. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1500. Л. 1.

⁶⁹ Комплекс документов, связанных с увольнением В.В. Богданова см. в НА ИЭА РАН. Ф. В.В. Богданова. Папка 71.

⁷⁰ Бахтина В.А. Указ. раб. С. 243.

⁷¹ Труды I Всероссийского музейного съезда. Т. 1. М., 1931. С. 5.

⁷² Шангина И.И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX в. // Сов. этнография (далее – СЭ). 1991. № 2. С. 75.

⁷³ Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 192.

⁷⁴ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. Арест и ссылка Н.И. Лебедевой (по архивным материалам) // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1996. С. 14–15.

⁷⁵ Ермаков Ф.К. Кузубай Герд – краткий биографический очерк // *Kuzubai Gerd Ethnographica*. Человек и его рождение у восточных финнов. Helsinki, 1993. (Suomalais – ugrilaisen seuran toimituksia. № 217). С. XIII.

⁷⁶ Мокшин Н.Ф. М.Т. Маркелов и этнографическое изучение финно-угорских народов // ЭО. 1994. № 6. С. 135.

⁷⁷ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 198, 229; *их же*. Арест и ссылка Н.И. Лебедевой... С. 14–15.

- ⁷⁸ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1791. Л. 4.
- ⁷⁹ Там же. Д. 1250. Л. 25.
- ⁸⁰ Там же. Д. 1562. Л. 10, 12, 19.
- ⁸¹ Там же. Д. 1791. Л. 7, 10, 16.
- ⁸² Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. С. 200.
- ⁸³ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1250. Л. 67.
- ⁸⁴ Там же. Л. 67.
- ⁸⁵ Там же. Д. 1381. Л. 15.
- ⁸⁶ Там же. Д. 1250. Л. 68.
- ⁸⁷ Там же. Д. 1500. Д. 1.
- ⁸⁸ Кушнер П. Музей народов СССР // СМ. 1938. № 11. С. 25.
- ⁸⁹ Иванов А.И. Выставка Урало-Кузбасса в Центральном музее народоведения // СМ. 1932. № 1. С. 90–95.
- ⁹⁰ Иванов А.И. Центральный музей народоведения... С. 70; Самарин Ю.А. Социалистическое строительство УССР (выставка в ЦМН). // СЭ. 1933. № 3–4. С. 204–211.
- ⁹¹ Иванов А.И. Указ. раб. С. 72.
- ⁹² Кушнер П. Указ. раб. С. 22.
- ⁹³ Никитин Г.А. Выставка «Кабардино-Балкария» в Центральном музее народов СССР // СЭ. 1937. № 1. С. 166–168; Кушнер П. Указ. раб.; Добрускин Л. Экспозиция по социалистическому строительству Грузинской ССР (Музей народов СССР) // СМ. 1940. № 2. С. 23–29.
- ⁹⁴ С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // ЭО. 1994. № 1. С. 124.
- ⁹⁵ Чичеров А. Музей-лаборатория политехнической школы (из опыта ЦМН) // СМ. 1931. № 2. С. 35.
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1381. Л. 31.
- ⁹⁷ Самарин Ю.А. Опыт построения передвижных выставок // СМ. 1931. № 2. С. 61–69.
- ⁹⁸ АЗ. Этнография в Москве // СЭ. 1934. № 4. С. 118.
- ⁹⁹ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1791. Л. 12.
- ¹⁰⁰ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 7. М., 1971. С. 56.
- ¹⁰¹ Токарев С.А. Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке. М., 1995. С. 171.
- ¹⁰² Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Ч. 1. М., 1991. С. 204.
- ¹⁰³ С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков. С. 124.
- ¹⁰⁴ Станюкович Т.В. Этнографические музеи в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // СЭ. 1975. № 5. С. 66–67.
- ¹⁰⁵ Мамонову дачу занял Институт химической физики. Об этом оставил небезынтересные воспоминания сотрудник этого института Ф. Дубовицкий: «...как-то вечером мы были дома у Петра Леонидовича Капицы. Зашел разговор о наших делах, и тут Петр Леонидович подал идею – взять для института здание Музея народов СССР, расположенное рядом с его Институтом физических проблем. Помню, Петр Леонидович тогда сказал: «Колька, обязательно получи это здание, будем жить по соседству». Мы ухватились за эту идею, и на следующий день... пошли посмотреть это здание. Был конец апреля 1943 года. Хороший солнечный день. ...Н.Н. (Н.Н. Семенов, директор Института химической физики. – А.И.) осматривать не пошел. Он сел на ступеньки южного входа галереи и сказал: «Я больше никуда не пойду. Останавливаемся на этом здании». (См.: Дубовицкий Ф. Институт химической физики. Очерки истории. М., 1996. С. 165).
- ¹⁰⁶ Шангина И.И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX века // СЭ. 1991. № 2. С. 79.
- ¹⁰⁷ АРЭМ. Ф. 5. Оп.1. Д. 91. Л. 3.
- ¹⁰⁸ Маслова Г.С. Выставка «Русская народная одежда» // Кр. сообщ. Ин-та этнографии. 1946. Вып. 1. С. 124–125; Лебедева А. Выставка «Народная одежда и народное творчество украинцев» в Музее народов СССР // СЭ. 1947. № 2. С. 222–223; Белицер В. Выставка «Народная одежда и народное творчество белорусов» в Музее народов СССР // СЭ. 1948. № 2. С. 217–219; Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.
- ¹⁰⁹ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 102. Л. 2. 242. Л. 33; АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
- ¹¹⁰ АРЭМ. Ф. 5. Оп.1. Д. 91. Л. 3.
- ¹¹¹ ГА РФ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 28. Л. 109.
- ¹¹² АРЭМ. Ф. 5. Оп.1. Д. 93. Л. 20.
- ¹¹³ Там же. Л. 21.
- ¹¹⁴ Токарев С.А. Из дневников... С. 201.
- ¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 534. Оп.1. Д. 242. Л. 33; АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
- ¹¹⁶ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
- ¹¹⁷ НА ИЭА РАН. Ф. В.В. Богданова. Папка 46. «Записка о реконструкции центральных этнографических музеев в Москве и Ленинграде». Л. 24.

A.B. I p p o l i t o v a. History of the Moscow Museum of Peoples of the USSR

This article is devoted to the history of the Central Museum of Folk Studies (from 1934 – Museum of Peoples of the USSR) which existed in Moscow in 1924–1948. The Museum was set up on the basis of the original concepts of Moscow scholars which provided it with a distinctive profile among the other ethnographical museums of the country. On the basis of an analysis of various archival and published sources the article traces up the picture of the Museum's development (elaboration of its concept, formation of its stocks, scientific work, expeditions, scientific personnel) from the innovative ideas of the 1920s and up to its closing after the war.